

Глава 9: Хвастовство и обман знатной молодой госпожи, Делая ставку на волю небес, утешает плачущего

—

— Слышала, ты... пропал?

Сначала Хуа Лянсуй любезно попросила своих закадычных подруг вернуться за стол, и лишь когда никто больше не шумел, она тихо заговорила, сохраняя на лице легкую улыбку, словно прекрасная девушка с картины, изящно улыбающаяся, но совершенно недвижимая.

— ...Угу, — бесстрастно ответил Линь Лан, отворачиваясь и не глядя на нее.

Линь Лану всегда не нравился взгляд Хуа Лянсуй — эти яркие глаза казались нежными и очаровательными, но он всегда чувствовал в них какую-то хитрость.

С тех пор как семейства Хуа и Линь стали общаться, они виделись всего несколько раз.

Линь Лан был гордым человеком по натуре и не хотел, чтобы его считали «продвинувшимся по социальной лестнице, связав себя с семьей чиновника», потому особенно сопротивлялся отцовским планам. Но Хуа Лянсуй все же была красива, характер казался мягким и дружелюбным, и сказать, что он ни капли не тронул его сердце, было бы ложью.

Пока на том банкете, где обе стороны уже начали открыто говорить об их свадьбе, Линь Лан, разрывавшийся между «жениться» и «не жениться», под предлогом сбежал развеяться. Во дворе усадьбы Хуа он встретил также покинувшую стол Хуа Лянсуй.

«Мой отец к тебе хорошо относится, а я нет».

«Мой отец тоже не совсем к тебе хорошо относится — он хорошо относится к несметному богатству семьи Линь».

«Не к тебе».

Презрительные слова слетали с ее уст плавно, а на лице при этом играла нежная улыбка. Это заставляло Линь Лана чувствовать, что эта девушка ужасно сложна.

— Ха... — девушка тихо рассмеялась. — Все говорят, это из-за того, что ты не хотел на мне жениться.

Линь Лан по-прежнему оставался бесстрастным; а вот Тан Юйшу, пораженный, широко раскрыл глаза.

Хотя и было сказано: «Среди знати и богачей Цзиньлина давно пошли слухи —», эта «отвергнутая Линь Ланем» красавица не выказала ни капли недовольства. Легкая улыбка все так же играла на ее губах, голос был мелодичным и приятным, она ласково обратилась к Линь Лану по его взрослому имени:

— Но все же я хочу спросить тебя лично, брат Тинчжи — неужели правда поэтому?

Хотя в тот день в саду усадьбы Хуа он и подвергся ее насмешкам, но в конце концов она была девушкой, и Линь Лан не хотел ставить ее в неловкое положение перед другими — другими, конечно же, имелся в виду стоявший рядом Тан Юйшу.

Потому Линь Лан по-прежнему держал бесстрастное выражение лица:

— Нет.

— Ну и хорошо, — неизменная нежная улыбка по-прежнему играла на лице Хуа Лянсюй, но сейчас она слегка нахмурилась, словно чувствуя неловкость, и сказала: — Сегодняшняя история — сплошное недоразумение. Мои сестрицы за столом тоже поверили слухам, вот и стали заступаться за меня, наговорили... всякой вздорной чепухи. И как назло, этот господин случайно проходил мимо, услышал и поспешил вступить за тебя, вот и вышла такая путаница... Этот господин, наверное, твой...?

— ...Это... второй хозяин нашей лавки — Тан Юйшу!

Сообразительный Линь Лан мгновенно придумал для Тан Юйшу почетное звание.

— Неудивительно, что вы так дружны, как братья... — Хуа Лянсюй слегка склонила голову перед этим мужчиной в простой одежде, извиняясь: — Господин Тан, будьте великодушны — только что сестрицы сказали лишнее, не сердитесь.

— ...А... ничего страшного, — Тан Юйшу, который, заступившись за друга, получил порцию ругани, видя это, тоже молча принял извинения. С другой стороны, в процессе общения с Хуа Лянсюй Линь Лан нашел момент, чтобы бросить Тан Юйшу взгляд, полный благодарности за верность.

— Значит... у брата Тинчжи есть своя лавка? — уловив ключевую информацию, проскользнувшую в речи Линь Лана, Хуа Лянсюй, искоса разглядывая этого «другого хозяина» в простой одежде, с сомнением в голосе спросила.

Линь Лан, догадываясь о ее сомнениях, тут же принялся хвалить:

— Он... очень крутой! Когда в Шу был мятеж, он служил в Цзиньанской армии, совершил множество подвигов. После войны отказался от высоких чинов и щедрого вознаграждения от императора, предпочтя открыть со мной ресторан хого!

— ... — слова эти были наполовину правдой, наполовину ложью, и честный по натуре, никогда не лгавший Тан Юйшу, услышав их, покраснел, а на висках у него проступила испарина.

Хуа Лянсюй, кажется, не усомнилась в словах Линь Лана, лишь улыбнулась, прищурив глаза:

— О, хого?.. Что это за еда такая, никогда не слышала...

— Это блюдо из Шу, — видя, что его похвальба, похоже, ошеломила Хуа Лянсюй, Линь Лан невольно поднял подбородок. — У меня дальновидный взгляд, я решил привезти это блюдо в Цзяннань.

— Да? А где лавка — когда будет свободное время, обязательно приду поддержать.

— ...В... в Чэньтане, — назвав место, Линь Лан снова занервничал и тут же добавил: — Кхе... В конце концов, это внедрение новой еды, пока неизвестно, как пойдет... Начинать с маленького местечка! Затраты невысоки, если что не так, можно вовремя остановить убытки! — Логично и обоснованно, он чуть не захопал в ладоши от гордости!

Выслушав вроде бы правдоподобное объяснение Линь Лана, Хуа Лянсюй приподняла брови, не

скупясь на похвалы:

— Брат Тинчжи заставил меня взглянуть на себя по-новому...

Здесь Линь Лан, получив одобрение, мгновенно снова возгордился:

— Перехваливаешь — если как-нибудь приедешь в Чэньтань, обязательно приму тебя как дорогого гостя.

Хуа Лянсюй изящно кивнула:

— А что насчет усадьбы Линь...

Безрассудно нахваставшись и услышав упоминание усадьбы Линь, Линь Лан невольно вскрикнул, пытаясь замять тему:

— Только никому не говори! Даже моему отцу!

— ...А? — Хуа Лянсюй испугалась его внезапно повысившегося тона.

Линь Лан сдержал панику, изобразив таинственный вид:

— Ты же знаешь... э-э... заниматься торговлей — либо молчать, а если заговорить, то обязательно поразить всех. Сегодня считай, что меня не видела.

— ... — выслушав, Хуа Лянсюй ненадолго замолчала, затем кивнула: — Поняла... не беспокойся, я никому не скажу — мои сестрицы тоже не скажут.

— Вот и хорошо, — полагая, что Хуа Лянсюй — человек слова, Линь Лан успокоился и поклонился: — Тогда прощаемся...

— Прощайте, — Хуа Лянсюй учтиво ответила на поклон.

Проводив обоих взглядом, пока они не скрылись за дверью, Хуа Лянсюй не выдержала и тихо рассмеялась.

Неосознанно прикрыв рот рукавом, скрывая свою несдержанность, она, опомнившись, подумала, что это действительно забавно.

— Раньше я думала, что этот человек ничем не отличается от обычных юношей, но никак не ожидала, что он сбежит от назначенного брака, ослушается отцовской воли, покинет усадьбу и захочет сам строить свою жизнь; видимо, тоже упрямец со своими планами...

Чему она смеялась?

Наверное, над его безрассудством, с которым он сбежал из дома; наверное, над его смешным и глупым видом, когда он только что важничал и строил из себя большую шишку; наверное... немного завидовала?

Эта фирменная улыбка растворилась в ночи, где за ее спиной был свет, но никто не видел ее лица, а через мгновение снова вернулась на изящные черты. Хуа Лянсюй повернулась и, словно ничего не произошло, пошла обратно в отдельную комнату.

Словно этот момент безразличия был украденным мгновением отдыха в суете.

На следующий день в Цзиньлине по-прежнему царило оживление. Дыхание тысяч людей согревало всю эту раннюю зиму.

В лавке фарфора продавец суетился вокруг Линь Лана и Тан Юйшу:

— Фарфор из Цзиндэчжэня — не высший сорт. Взгляните на этот — эти пиалы из Чжэньской печи в Сяннани, они не только красивые, но и прочные, не бьются!

Линь Лан взял в руки образец, который передал продавец, и стал его рассматривать.

— Не бьются?

— Конечно, не... Эй, молодой господин, зачем вы разбили нашу пиалу?!

— Запишите на мой счет, — Линь Лан закатил глаза. — Мне нужны действительно прочные, не подсовывайте хлам!

— ...Хорошо!

Перед глазами было полно фарфора из знаменитых печей разных провинций, Тан Юйшу никогда не видел такого разнообразия чаш и тарелок, но ни одна вещь не могла привлечь его внимание сейчас.

— Девушка такая красивая, почему ты на ней не женишься?

Линь Лан, перебирая выставленные чашки и тарелки, невнятно отмахнулся:

— Она мне не нравится.

— Улыбается, как цветок, — Тан Юйшу хвалил, не скупясь на слова.

— Все цзиньлинские щеголи с ума от ее улыбки, а я — нет! — Линь Лан фыркнул. — Она, вообще-то, побочная дочь семьи Хуа; ее родная мать — певица с поющей лодки, потому я думаю, что искусство Хуа Лянсюй угождать с улыбкой — это наследственное!

— Это звучит ещё более жалко.

— А ты чего ее жалеешь? Она старшая дочь усадьбы Хуа, все цзиньлинские щеголи ее жалеют, любят, обожают — а ты посмотри, кто ты такой? — Линь Лан рассердился, что Тан Юйшу защищает посторонних. — Вообразил себя хозяином? Давай лучше выбирай посуду, думай о своем деле! Когда твое заведение заработает, кого захочешь — того и жалею, я все равно не смогу запретить!

— А... — бесстрастно ответил Тан Юйшу.

— Вчерашнее дело... прости, — извинился он, но высокомерно поднятый подбородок так и не повернулся.

— ...Какое дело? — Тан Юйшу уже почти забыл.

Провозившись с выбором добрых полдня, Линь Лан наконец выбрал себе по душе чашки и тарелки.

— Двести сорок пиал из «дробленого нефрита» от Суской печи — вместе с той, что вы разбили,

округляем, всего десять лян и два цян!

— Сколько?! — услышав цену от продавца лавки фарфора, Тан Юйшу тут же оттащил Линь Лана в сторону: — Ты с ума сошел! Двести пиал за десять лян, одна пиала — пятьдесят вэней? Не покупаем! В Чэньтане тоже продают посуду, за пятьдесят вэней можно купить десятком-другой!

За эти два дня Линь Лан уже привык к жалкому виду этого бедняги Тан Юйшу, ему даже лень было полностью закатить глаза.

— Это вопрос качества — чтобы вести дело, нужно сначала вложиться. Если посуда недостаточно изящна, не привлечешь изысканных гостей — ты не понимаешь, поверь мне, я ведь ходил по Шелковому пути!

Наставив Тан Юйшу, он велел ему подождать здесь, достал из кошелька вексель и сказал продавцу:

— Я пойду сначала в меняльную лавку, разменяю вексель.

— Хорошо, идите! — продавец, увидевший, что заключена крупная сделка, сиял от радости.

А тем временем Тан Юйшу, ожидая в лавке фарфора, от нечего делать о многом подумал: характер у Линь Лана взбалмошный — идея открыть ресторан хого пришла ему вчера под утро, с утра он уже что-то писал и чертил, составляя «список», в полдень сел в повозку, а к вечеру уже добрался до Цзиньлина.

А он сам до сих пор сомневался: получится ли открыть это заведение?..

В конце концов, Линь Лан — богатый молодой господин из зажиточной семьи. Открыть лавку, заняться торговлей, сто лян основного капитала — и они уже в руках... А он другой, на пристани и так зарабатывал немного... Даже если бригадир не урежет, эти сто лян ему пришлось бы копить лет восемь-девять.

В конце концов он закрыл глаза, чувствуя невыразимую тоску.

— Цинъян, дай брату знак: если лавка получится — не требую, чтобы было много народа, лишь бы не было убытков, — тогда... тогда сегодня заставь брата Линь Лана заплакать у меня на глазах...

Дойдя до этой мысли, Тан Юйшу наконец усмехнулся, вырвавшись из мрачных раздумий.

— Ни разу еще не видел, как этот парень плачет...

Этот богатый молодой господин обычно выглядит высокомерным, воинственным, он смеялся, сердился, но никогда не проявлял слабости... чем-то напоминает... его...

В памяти смутно возник образ этого «его».

Худая фигура, скованная золотыми доспехами, сидящая на лошади спина, выглядевшая бессильной, но в то же время невероятно стойкой.

— Тан Юйшу, — нежно позвал он его по имени.

— Угу, я здесь, — сквозь время и пространство ответил нынешний Тан Юйшу.

— Тан Юйшу! — но другой голос зазвучал иначе: — Тан! Юй! Шу! —

Вздвогнув, он открыл глаза и увидел, как Линь Лан влетел в лавку, схватил его за руку и вытащил через другую дверь.

Оставив продавца лавки фарфора, который только пришел в себя: он и раньше видел, как покупатели меняют свое мнение, и если это не сработает, то пусть будет так; но...: — Сначала заплати за разбитую пиалу!

Тем временем Тан Юйшу, которого взмыленный Линь Лан тащил за собой, метался по многолюдному Цзиньлину, не разбирая дороги.

Дело было внезапным, и он пребывал в полном недоумении:

— Что случилось? Куда бежим?

— Молчи, беги быстрее!

Тан Юйшу в перерыве между шагами оглянулся и увидел, что люди в одежде меняльной лавки все еще неотступно преследуют их неподалеку сзади. Бежал он вместе с Линь Ланем, но на основании ситуации смог сделать предположение о причине:

— Ты ограбил меняльную лавку?

— Молчи, беги быстрее!

— ... — очевидно, в такой ситуации все его вопросы останутся без ответа, и он решил не допытываться, а сначала решить текущую проблему: — Впереди поверни направо, сверни в тот переулок!

Линь Лан оказался послушным, через несколько шагов свернул и, прикрывшись нагромождением лотков, юркнул в переулок.

Пробежав, не оглядываясь, несколько шагов, крики «Стойте!» служащих меняльной лавки действительно затихли вдалеке. Линь Лан замедлил шаг, сказал «Оторвались...» и обернулся — но Тан Юйшу не было за ним.

— ...? — Линь Лан остановился, не понимая, что произошло.

Тем временем, избавившись от «обузы» в лице Линь Лана, Тан Юйшу сразу же перешел на гораздо более быстрый шаг и в мгновение ока оторвался от всех этих неотступных служащих меняльной лавки.

Только вот в спешке на колени правой ноги штаны порвались, разрыв шел поперек, почти пересекая вышитый Цинъян цветок. Тан Юйшу смотрел на это, сердце его обливалось кровью.

Спрятавшись в одной из лавок и понаблюдав за происходящим снаружи, он, убедившись, что все спокойно, вышел, осторожно вернулся прежним путем, в переулок, куда только что свернул Линь Лан, и без труда нашел того знатного юношу в парче, который сидел на корточках, уткнувшись лицом в согнутые руки, плечи его слегка вздрагивали от учащенного дыхания.

— Да что же ты наделал-то!

Тан Юйшу подошел, думая, что тот не может отдышаться после бега, и легонько похлопал его по спине, помогая прийти в себя:

— У меня даже штаны порвались...

Линь Лан сохранял позу на корточках, даже головы не поднял, глухо ответил, объясняя причину и следствие:

— Этот старый хитрый плут, мой отец... оказывается, знал, что я взял с собой вексель... Как только я пришел в меняльную лавку разменять серебро, служащие тут же окружили меня, спрашивают, не я ли молодой господин из семьи Линь, хотят поймать и отправить обратно...

Выслушав это, Тан Юйшу на мгновение не знал, что сказать, и наконец выдал одно слово:

— ...Ужасно.

— Я бежал так спешно, что оставил вексель в меняльной лавке...

Тан Юйшу снова не знал, что сказать, и наконец выдал еще одно слово:

— ...Ничего.

— Как это ничего? Что значит ничего!

Линь Лан внезапно закричал, вскочил на ноги, отвернулся от Тан Юйшу и принялся что есть силы бить кулаками по каменной стене. Тан Юйшу испугался и схватил его за руку:

— Ты с ума сошел!

Плечи Линь Лана все еще дрожали, когда он повернул лицо, оно было залито слезами.

Раньше он видел лишь тот горделивый вид, с которым Линь Лан смеялся над ним, дразнил и унижал; столкнувшись внезапно с его плачем, Тан Юйшу растерялся.

— Почему все так сложно? Почему так сложно сделать хоть что-то! — Линь Лан вырвал руку, которую держал Тан Юйшу, и в эмоциональном срыве истерично закричал: — Не знаю, кому теперь достался дом! Вексель не могу разменять! Почему все так сложно!

— ... — Тан Юйшу даже одного слова не смог выдать.

В конце концов он перестал сдерживаться и позволил прорваться переполнившим его эмоциям, разрыдавшись навзрыд.

— ... — Тан Юйшу не знал, как утешить Линь Лана, и остался стоять рядом, ожидая, пока тот выплачется.

Спустя долгое время Линь Лан наконец понемногу успокоился, вытер слезы и поднял глаза на Тан Юйшу.

Тан Юйшу сидел с мрачным лицом, но, увидев, что Линь Лану, кажется, полегчало, тут же изобразил улыбку; он хотел уже сказать: «Теперь легче?», как вдруг услышал, как Линь Лан холодно бросил:

— Уходи.

Тан Юйшу снова оказался в растерянности перед Линь Ланом:

— Что?

Линь Лан повторил:

— Уходи... возвращайся в Чэньтань.

— ...А ты? — Тан Юйшу немного испугался.

Линь Лан поправил воротник, отряхивая пыль с запачканной во время бега одежды:

— Я, разумеется, вернусь в усадьбу Линь, о чем тебе беспокоиться?

— ...А как же открывать лавку?

— Открывать что?

— ...Лавку.

— ... — слушая, как его мечту произносит другой человек, Линь Лан почувствовал, словно кто-то ударил его беззвучной пощечиной. По какой-то причине Линь Лан сейчас вдруг особенно возненавидел приставучего Тан Юйшу:

— Уходи.

Но тот, кого возненавидели, сам того не ведал, все еще пытаясь выдавить улыбку, заискивающе говоря:

— Пошли, пойдем вместе.

— Катись к черту!

— ...

— У меня ничего не осталось — ни дома, ни денег — с чего вдруг открывать лавку? Разве что с тобой? — нить рассудка снова порвалась. Остался лишь самый язвительный и едкий он сам, изо всех сил изрыгающий злые слова, пытаясь самоуничижением и унижением другого пассивно заставить того отчаяться.

Но тот все еще не сдавался:

— Еще есть ты.

— Да кто я такой?!

— Ты... ты ходил по Шелковому пути!

— Я ходил по Шелковому пути, да... В тринадцать лет ходил по Шелковому пути, в десять наизусть знал «Канон торгового устава», в пять лет считал на счетах быстрее старых дворцовых счетоводов, в три месяца на церемонии выбора схватил нефритовые счета и не хотел отпускать... Но все это потому, что я Линь Лан, я молодой господин из ткацкой семьи Линь из Цзиньлиня — без всего этого что я такое?

— ...

— Ладно, ладно, — последняя капля разума подсказывала ему не делать расставание слишком уродливым. — Когда-нибудь, проезжая через Чэньтань, я еще зайду к тебе.

— Ладно, ладно, не злись, просто деньги потерял... сначала пойдем домой, — Тан Юйшу легонько потянул Линь Лана за руку.

Линь Лан хотел вырвать свою руку, которую держал Тан Юйшу, приложил три десятых силы, но обнаружил, что тот сжал ее еще крепче; пришлось холодным тоном сказать:

— Отпусти!

Но Тан Юйшу словно не услышал, повторил те же три слова:

— Сначала пойдем домой.

— Отпусти!

— Сначала пойдем домой.

— Я сказал, отпусти! — Линь Лан не мог вырваться и в приступе ярости замахнулся кулаком и ударил Тан Юйшу по плечу.

— Я сказал, сначала пойдем домой! — Тан Юйшу не стал уклоняться от этой неконтролируемой атаки Линь Лана, лицо его потемнело, больше не было желания изображать улыбку.

Только когда Линь Лан, наконец исчерпавшись, снова успокоился.

— Закончил? — спокойно спросил Тан Юйшу.

— ...Угу, — Линь Лан лишь на мгновение встретился с ним взглядом и неестественно отвернулся.

Это был первый раз, когда Линь Лан увидел на лице Тан Юйшу такое сложное выражение — под спокойствием скрывались ярость, беспомощность, страх и тень униженной мольбы.

Это сложное выражение заставило Линь Лана не сметь смотреть прямо в глаза Тан Юйшу, но в то же время почему-то успокоило его.

— Тогда идем домой, — сказал Тан Юйшу, поворачиваясь и уходя, так что Линь Лан тоже зашагал вместе с ним.

Только тогда Линь Лан понял: как бы он ни бил его в неконтролируемом состоянии, кулак Тан Юйшу, сжимавший его руку, с самого начала не ослабел ни на йоту.

—